

Историк на три месяца

— Вы историк? — с большим облегчением и уважением спросил Берлиоз.

— Я — историк, — подтвердил ученый и добавил ни к селу ни к городу: — Сегодня вечером на Патриарших прудах будет интересная история!

М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»

Михаил Булгаков

Михаил Булгаков прочитан и перечитан вдоль и поперёк. Его остроты давно вошли в ежедневный репертуар весельчаков, да и лирические интонации вошли в нашу речь. Он остаётся объектом для подражаний и наиболее влиятельным русским писателем XX века.

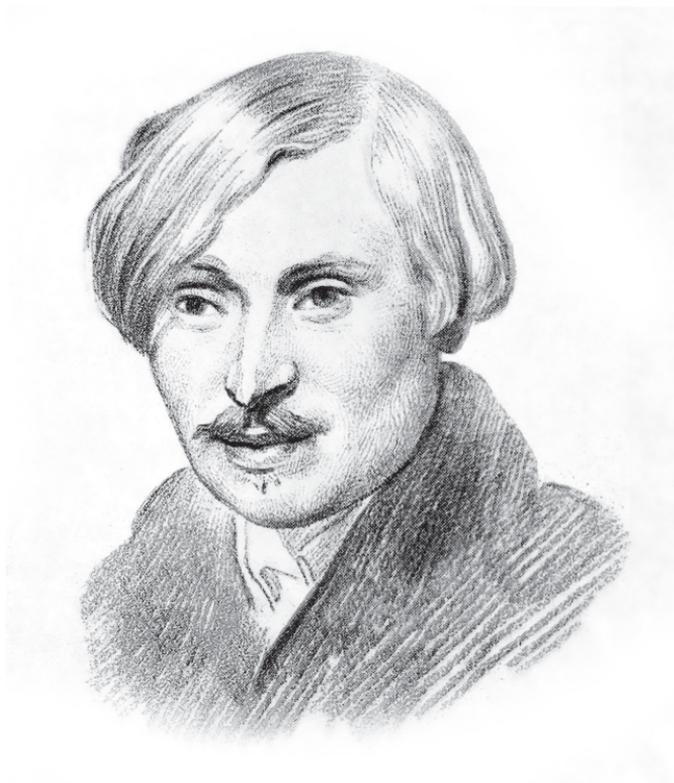
Но Булгаков-историк до сих пор пребывает за кадром, за пределами читательского внимания. Но, как известно, «рукописи не горят». Смерти и забвения для него не существует. Булгаков, как никто, умеет возвращаться. Подчас — неожиданно. Нынче историей интересуются остро. Ищут в прошлом скрытые смыслы. Уж так мы воспитаны, что без ощущения единства с прошлым у нас как будто земля уходит из-под ног. И потому нас интересуют историографические штудии автора «Мастера и Маргариты».

В московской квартире на улице Фурманова (ныне, как и до 1933 года — Нащокинский переулок) 10 марта 1940 года в 17-м часу умер Михаил Афанасьевич Булгаков. Полгода болезнь — гипертонический нефросклероз — уничтожила его. Как врач, он заранее распisał её ход и держался мужественно, хотя страдал от боли и слабости. Ему было 48 лет. Настоящая литературная слава Булгакова началась только в 1960-е годы. Прижизненный успех он познал только с пьесой «Дни Турбиных». Критики растаптывали Булгакова; главные его книги и после смерти писателя долго оставались потаёнными. А История — незавершенная, написанная только начерно, да и то отрывками — до сих пор держат в секрете, под замком. Если не считать забытой публикации в одном научном сборнике времен перестроечной суматохи. Ни в одном собрании сочинений Булгакова этих заметок нет...

Гоголевский мотив

В 1932-м году, когда Булгаков работал над инсценировкой «Мёртвых душ» для Художественного театра, ему приснился литературный сон. Сам Николай Васильевич Гоголь

заставил драматурга оправдываться за неудачную постановку... Сон прервался заклинанием Булгакова: «Учитель, укрой меня своей чугунной шинелью». Возможно, это легенда. Сны вообще — таинственная материя, но и Булгаков, по собственному признанию, «писатель мистический».

Николай Гоголь

За девять лет до смерти Булгакова захоронение Гоголя перенесли с Данилова монастыря на Новодевичье кладбище. В своё время Константин Аксаков установил на могиле Гоголя массивный, хотя и не циклопических размеров, крымский камень из морского гранита. На нём, как на Голгофе, поставили крест. При перезахоронении крест

утратили, а голгофу перевезли на Новодевичий, но устанавливать её на новой могиле не стали. Держали на за- дворках.

Двадцать лет гоголевская голгофа пылилась в углу кладбищенской мастерской. Но в начале пятидесятых годов Елена Сергеевна Булгакова, вдова писателя, нашла его и, увидев в этом руку судьбы, установила на могиле мужа. Так с тех пор крымская голгофа и лежит на могиле Булгаковых — и, надеюсь, всегда будет там лежать. Сюжет вполне гоголевский и не менее булгаковский. Эта история в разных вариациях известна каждому, кто интересуется жизнью и книгами Михаила Булгакова. Гоголь всё-таки укрыл Михаила Афанасьевича каменной шинелью. Но не только надгробие объединяет двух писателей.

В 1830-е годы министр народного просвещения Сергей Семёнович Уваров привлёк Гоголя к работе над концепцией истории России. Уваров стремился построить устойчивое здание идеологии — и понимал, что Карамзина и Полевого недостаточно. Николай Степанович Сербинович — ближайший соратник Уварова — пригласил Гоголя в «Журнал министерства народного просвещения». В 1834-м году Николай Васильевич опубликовал там четыре статьи — одна другой обстоятельнее: «План преподавания всеобщей истории», «О малороссийских песнях», «Взгляд на составление Малороссии» и «О Средних веках». Исследователи творчества великого писателя связывают эти статьи с замыслом повести «Тарас Бульба». Гоголь преподавал всеобщую историю и в Петербургском университете. Относился к этой миссии серьёзно и, по отзывам тогдашних студентов, был необыкновенно вдохновенным лектором. Статьи Гоголя оказались частью уваровского идеологического проекта. Так их и воспринимали читатели. Он сочетал взгляд художника с мыслями историка — и государство в лице Уварова ценило этот ракурс. Гоголь намеревался приступить к большому труду, а на первых порах выработывал стратегию: «Всеобщая ис-

тория, в истинном ее значении, не есть собрание частных историй всех народов и государств без общей связи, без общего плана, без общей цели, куча происшествий без порядка, в безжизненном и сухом виде, в каком очень часто ее представляют. Предмет ее велик: она должна обнять вдруг и в полной картине всё человечество, каким образом оно из своего первоначального, бедного младенчества развивалось, разнообразно совершенствовалось и, наконец, достигло нынешней эпохи».

Гоголь видел себя просветителем всея Руси и хотел начать с учебника истории: «Цель моя — образовать сердца юных слушателей той основательной опытностью, которую развертывает история, понимаемая в ее истинном величии; сделать их твердыми, мужественными в своих правилах, чтобы никакой легкомысленный фанатик и никакое минутное волнение не могло поколебать их; сделать их кроткими, покорными, благородными, необходимыми и нужными сподвижниками великого государя, чтобы ни в счастии, ни в несчастии не изменили они своему долгу, своей вере, своей благородной чести и своей клятве — быть верными отечеству и государю». Гоголь, как и Булгаков, не доведёт до ума свои историографические планы, только несколько статей опубликует. И здесь начинается ещё одно мистическое совпадение...

Исторический жанр

В наследии Булгакова нет исторических романов из русской жизни. Но к истории имеют прямое отношение сразу несколько книг из булгаковского канона. Это «Белая гвардия» и «Мольер». Это комедия «Иван Васильевич», о котором Всеволод Сахаров писал: «в комедии Булгакова изображения Грозного, его двора и опричников более реалистичны и историчны, чем иконописные образы Толстого — Эйзенштейна. Столкновение очень серьезного, простодушного и жестокого прошлого с сатирой на на-

стоящее в духе «Зойкиной квартиры» дало замечательный эффект подлинно сценического юмора, породило эксцентрическую комедию характеров и положений».

В этих вещицах проявилось свойственное Булгакову историческое мышление. Они заразительны. В результате мы и о временах Ивана Грозного в некоторой степени судим по фантастической комедии Булгакова... В особенности после знаменитого кинофильма Леонида Гайдая, который отнесся к булгаковскому тексту по-джентльменски — и позволил миллионам зрителей «увидеть древнюю Москву». А уж о судьбе гетмана Скоропадского, о Петлюровщине и судьбе царского офицерства на Украине невозможно размышлять, не держа в голове перипетии «Белой гвардии» и «Дней Турбиных».

В годы юности Булгакова исторические романы считались главным гимназическим чтением.

У этого жанра в русской литературе имелись прочные, хотя и не самые блистательные, традиции. Исторические повести и романы «русских Вальтер Скоттов» Ивана Лажечникова («Ледяной дом», «Басурман»), Михаила Загоскина («Юрий Милославский или русские в 1612 году», «Рославлев, или Русские в 1812 году»), Григория Данилевского («Беглые в Новороссии», «Мирович», «Сожженная Москва») были предтечей массовой литературы в России. Их числили на грани высокой и «подлой», то есть коммерческой словесности. Эти книги и в XX веке оставались «шлягерами», их переиздавали миллионными тиражами — хотя и критиковали (в особенности — Загоскина) за монархизм и «охранительные тенденции». Ну, а такие произведения как «Князь Серебряный» А.К.Толстого и — в особенности — пушкинская «Капитанская дочка» считались образцовыми и стали обязательным чтением как для детей, так и для взрослых. Они входили в «джентльменский набор», формировавший систему ценностей, которую проще всего сформулировать в трёх словах: «Бере-

ги честь смолоду». Все мастера советской исторической прозы учились у них.

Забытой — по разным причинам — в XX веке оказалась историческая романистика Фаддея Булгарина, Евгения Салиаса, Всеволода Соловьева и многих других авторов, работавших в этом весьма популярном жанре.

Остались в прошлом и исторические книги для юношества. К концу XIX века занимательные приключенческие очерки из русской истории стали основой патриотического чтения гимназистов. Эта прямолинейная литература давно забыта, она скорее оказала влияние на советскую детскую литературу, чем на исторический роман.

«Художники — по требованию политиков — заботливо вызывают к себе на помощь духов прошедшего», — заметил Карл Маркс. Его развивал русский советский историк-марксист Михаил Покровский, называвший историю «политикой, опрокинутой в прошлое».

В 1920-е годы исторические романисты, как правило, трудились в разоблачительном стиле. Нужно было показать во всей красе свинцовые ужасы царизма, показать, как вызревало в народе классовое сознание, как готовилась революция.

Как писал литературный критик Лев Разгон, «В книгах наших советских писателей «первого призыва» прежнему фальшивому величию императоров, наглой надменности временщиков, низости и тупости сановников противостояли талантливые и вольнолюбивые представители народа — вожди народных восстаний, борцы за будущее народа». Булгаков вряд ли разделял ценности этого поколения авторов.

Ярче других на этом поприще выступала, пожалуй, Ольга Форш. Её книги о мучениках царизма («Одеты камнем», 1925, «Радищев», 1932 — 1939) получили немалый резонанс. Женщины-писательницы — это тоже был знак времени. Равенство!

Михаил Покровский

Но по-настоящему сдвинул горы в истории жанра Алексей Толстой. Его «Пётр Первый» (первые две книги романа опубликованы в 1934-м). В этом томе высокая литература переплелась с массовой: вскоре после выхода книги на экраны вышла его масштабная экранизация, а Пётр Великий после некоторого перерыва снова стал национальным героем. На это раз — в советской стране.

Горький назвал эту книгу «первым подлинным историческим романом». Толстой показал всю почву петровского времени, коснулся социальных язв, но подчеркнул и роль в истории великого человека... «Личность является функцией эпохи, она вырастает, как дерево вырастает на плодородной почве, но в свою очередь крупная, большая личность начинает двигать события», — рассуждал писатель.

Толстой не сковывал свою фантазию, но и не жертвовал исторической фактурой. Он погружает читателя в мир красок, запахов и страстей. Получилась очень чувственная, полнокровная книга. Без идеологии в романе о первом русском императоре тоже не обошлось. Толстой верил в силу исторической необходимости. Миссия Петра Великого соответствовала ей: он усиливал государство, усиливал армию, просвещал...

После «красногвардейской атаки» на прошлое в середине 1930-х настало время «освоения исторического наследия». Сталин любил читать о прошлом — и научно-исследовательские монографии, и приключенческие романы. Это видно по спискам лауреатов Сталинских премий. Исторический роман на несколько лет стал едва ли не главным литературным жанром. Не только в России, но и во всех республиках, включая автономные. Булгаков успел застать только начало этой тенденции.

Одна за другой появлялись основательные эпопеи, в которых лучшие сыновья народа вели за собой народные массы.

Широкую известность получили романы Валентина Костылева «Иван Грозный» (1947, аж в трех томах!), Сергея Бородина («Дмитрий Донской» (1941), Степана Злобина («Степан Разин», 1951), Вячеслава Шишкова («Емельян Пугачев», 1945), Алексея Чапыгина («Разин Степан» (1927) и «Гулящие люди» (1937).

Из произведений, написанных не на русском языке (но, разумеется, переведённых на главный язык Союза), упомянем — несколько раздвинув хронологические рамки — эпопеи Натана Рыбака «Переяславская рада» (1948, 1952), Константина Гамсахурдиа «Давид Строитель» (1946 — 1958), Дереника Демирчяна «Вардананк» (1946, 1951), романы Семёна Склярёнка «Святослав» (1951) и «Владимир» (1962), Серо Ханзадяна «Мхитар спарпет» (1961), повесть Явдата Ильясова «Тропа гнева» (1954). Расширять эту панораму многонациональной советской литературы

можно долго. Причем, эти занимательные книги действительно пользовались популярностью у читателей.

Пожалуй, самым ярким явлением в этом потоке стали романы Василия Яна — старшего современника Булгакова, писателя не только талантливого, но и чрезвычайно добросовестного. Ещё в начале 1930-х он попытался создать роман об Александре Македонском. Довести до конца удалось только часть, посвящённую нашествию «Искандера Двурогого» на будущую советскую Среднюю Азию. Но эта книга — «Огни на курганах» — не получила широкого резонанса. Пожалуй, никто до Яна не писал об Александре Великом в столь разоблачительных тонах. Великий завоеватель для Яна — лишь алчный неумолимый деспот. Он отказывает ему и в полководческой гениальности, и в роли «миссионера высокой античной культуры».

Любимые герои Яна — благородные философы, сохранившие внутреннюю независимость от власти. Однако положение таких интеллектуалов противоречиво: им, видящим все пороки властителей, нередко приходится подстраиваться под них. Таков Хаджи-Рахим — один из героев самого известного яновского романа — «Чингисхана».

Трилогия «Нашествие монголов» («Чингисхан», 1939, «Батый», 1942, «К последнему морю», 1955) и роман «Юность полководца» (1952), повествующий о подвигах Александра Невского вошли в золотой фонд советского исторического романа. Знаток Востока, знаток древней истории, почитатель князя Александра Ярославича, писатель дореволюционной выучки — Ян создавал очень советские книги. В его романах даже заглавные герои — Чингисхан и Батый — не довели над повествованием. Для Яна цвет и соль истории — это народ, а не его великие погонщики. Эти книги выходили в чрезвычайное время — перед войной, в годы войны и после Победы. А тема Яна — трагическая эпоха в истории народов Советского Союза. Монголы сильнее — и доказывают это почти в каждом сражении. Но Ян не был бы советским писателем,

если бы повествовал о череде поражений без просветов. Книги о монгольских завоеваниях пропитаны верой в то, что их власть не вечна, что сломить народный характер не удастся. Ведь мы знаем больше, чем герои XII века! «Прошлое и настоящее связаны крепкими узами и в великих событиях прошлого можно найти очень много аналогичного и поучительного, что будет созвучно нынешней величественной эпохе», — говорил писатель.

Без скучной риторики Ян показывает, что основа всего — это трудящийся народ, крестьяне, ремесленники, воины разных народов, включая завоевателей. Такая человечность отличала именно советский канон исторического романа, и Ян соответствовал им в большей степени, чем кто-либо.

Добавим, что Ян, не нарушая простоты жанра, писал изящно, афористично, умело украшая повествование точными орнаментами.

А о его идейной оснастке можно судить по дневниковой записи о творчестве художника Святослава Рериха, которого Ян знал с юности: «Россия, которую он изображает — это покорные богомольные «не от мира сего» мужики, покорные власти, покорные богу и судьбе. А ведь Россия в действительности показала себя бурным, свободолюбивым народом Чапаева, Зои Космодемьянской — этот народ не нуждается в богомольных картинах».

После Победы в исторической литературе стало больше апологетики прошлого. Писатели не стеснялись восхищаться монархами и полководцами прошлого. Иногда с перехлестом. Валерия Язвицкого, автора многотомной эпопеи «Иван III — государь всея Руси» (1946) критиковали за «елейно-слащавый тон, идиллическое изображение быта великокняжеского двора». Схожие упреки предъявляли и Алексею Югову за романы «Даниил Галицкий» (1944) и «Ратоборцы» (1944 — 1948, в этой эпопее к повествованию о Данииле добавилась книга об Александре Невском). Но знаменательно само появление таких книг в 1940-е.

Вполне естественно, что все исторические коллизии романисты трактовали в патриотическом ключе. Это касается, например, весьма популярных романов Леонтия Раковского «Генералиссимус Суворов» (1938—1946), «Адмирал Ушаков» (1952), «Фельдмаршал Кутузов» (1945). Раковский умел писать занимательно. Разумеется, плодovitого автора критиковали за легковесность, зато его часто переиздают и в XXI веке.

Приветствовалось подчеркивание исторически обоснованной дружбы будущих народов СССР. Дружба всегда даётся с боями. Самое шумное сражение разразилось вокруг книги известного грузинского писателя. «Временами, когда читаешь роман Гамсахурдиа, кажется, что это не роман советского писателя, а какие-то древние придворные летописи», — писал Анатолий Тарасенков о романе «Давид Строитель».

Дискуссия вокруг этой книги развернулась ещё в 1946 году. На неё обрушился Виктор Шкловский, упрекнувший Гамсахурдиа в том, что он не коснулся темы русско-грузинского содружества и вообще впал чуть ли не в монархизм. Гамсахурдиа опубликовал запальчивый «Ответ критику», в котором заявил, что говорить о неких связях между Русью и Грузией в X веке — фальсификация. Писатель попытался парировать и другие обвинения: «Я не мог показать, как народ управлял страной, так как в это время простонародье не пускали за пределы хлебопекарни, бойни и кустарных маслобойных фабрик. В обоих романах довольно детально отображены мною процессы труда и борьбы народа, показано, как воины царя Давида дрессировали лошадей, как делали барьеры и рвы для конницы, как строили подвижные деревянные башни и осадные сооружения, как боролись и страдали... Очень занятно то обстоятельство, что Шкловский меня учит любви к моему же народу». Эта перепалка ценна тем, что в ней обозначились ценности, которые заявлялись сверху и националистические тенденции писателей-историков.

В 1960-е годы громко заявил о себе наш самый кассовый исторический романист XX века — Валентин Пикуль, воспитанный на патриотическом всплеске 1940-х.

Он не был мастером сюжетной интриги. И, строго говоря, лучшие его книги посвящены не далёкому прошлому, а Великой Отечественной. Ведь Пикуль был юнгой северного флота. Но сенсацию произвели его исторические романы, в которых Пикуль «брал» в том числе и тем, что не стеснялся бульварщины, сознательно обращаясь к массовому читателю, приноравливаясь к его вкусам. Его любимый герой — всё превосмогающий русский воин. Настоящий Иван из сказки, который и в огне не горит, и в воде не тонет.

К тому же, Пикуль писал просто страстно, с любовью и ненавистью. И, в отличие от многих собратьев по Союзу писателей, не почивал на лаврах, постоянно поддерживая читательское внимание новыми сюжетами.

Его первый исторический роман — «Баязет» (1960) — обращался к не самой известно, но героической странице русской истории. За ним последовали «На задворках великой империи» (1966), «Пером и шпагой» (1970). Каждая книга собрала миллионы читателей.

Когда исследователи и журналисты (например, Евгений Анисимов в статье «Феномен Пикуля — глазами историка», 1987) брались критиковать Пикуля за недостоверность — получалось недобро и неубедительно. Да, он не работал в архивах, ему вполне хватало историографии, мемуаристики и романистики. Да, любил преувеличивать, додумывать, добавлять эффектности — но кто будет читать пересказ диссертации в обложке исторического романа? Критиков по-настоящему раздражали не неизбежные неточности, а идеология Пикуля. Либералов не устраивал его ура-патриотизм, консерваторов — памфлетная оценка эпохи Николая II («Нечистая сила», 1979). Упрекали его и в национализме. «Инородцы» у Пикуля частенько оказывались своего рода «козлами отпущения».

А «книголюбы» выстраивались в долгие очереди за новыми и старыми изданиями Пикуля. Его популярность не рассеялась и после распада СССР.

В сферу повышенного читательского интереса десятилетиями входили также романы Антонина Ладинского («Анна Ярославна — королева Франции» (1961), «Последний путь Владимира Мономаха» (1965), «Когда пал Херсонес») и Всеволода Никаноровича Иванова («Иван Третий», «Чёрные люди», «Ночь царя Петра», «Императрица Фике»).

Высоко котировались на книжном рынке и издания Валентина Иванова, автора трилогии «Повести древних лет» (1955), «Русь изначальная» (1961), «Русь великая» (1967). Он воспевал величие древней, в том числе долетописной Руси. Сенсационности добавлял полузапретный дух «родноверия», русского язычества, которому автор явно симпатизировал. Во многом Иванов сам и сочинил эту религию.

На закате XX века лидером жанра был Дмитрий Балашов, открывший историю московской Руси в подробностях, незримых для других писателей. В 1967 году он опубликовал свою первую историческую повесть «Господин Великий Новгород».

Балашов навсегда окунулся в далёкое прошлое Руси, добиваясь полной органичности повествования.

Делом жизни стал для него цикл романов «Государь Московские»: «Младший сын» (1975), «Великий стол» (1979), «Бремя власти» (1981), «Симеон Гордый» (1983), «Ветер времени» (1987), «Отречение» (1989). XX век преломился и пошёл на убыль — а Балашов из своего новгородского далёка всё слагал книги о великих князьях Белокаменной. Это был достойный финальный аккорд исторической романистики XX столетия. Полное погружение в историю, к которой автор относился с пиететом, но не выхолащивал её до канонов политкорректности.

Так было до Булгакова, при Булгакове и после Булгакова. В беллетристике. Но в 1936 году, обложившись книгами Соловьева и Устрялова, он — врач по образованию — видел себя в амплу историка и педагога.

Бои за историю

Впервые вопрос о качестве преподавания истории в советских школах был рассмотрен 5 марта 1934 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б). Наркому просвещения РСФСР А.С. Бубнову было поручено к следующему заседанию доложить о постановке преподавания истории в школах и предложить необходимые меры для улучшения этого дела. Уже 20 марта, заслушав доклад Бубнова, члены Политбюро приняли постановление о необходимости в сжатые сроки подготовить комплекс новых учебников по истории, а также восстановить исторические факультеты в университетах.

Михаил Афанасьевич Булгаков был неравнодушен к музе Клио. Больше того, у него сформировался собственный взгляд на исторические процессы. И не только потому, что «Сегодня вечером на Патриарших прудах будет интересная история!». По отношению властей к истории можно судить о переменах государственной идеологии, а революционный кавардак двадцатых Булгакова не устраивал. И не его одного. И государству, и школе потребовалось возрождение классической исторической науки.

В мае 1934-го вышло постановление Совнаркома и ЦК «О преподавании гражданской истории в школах СССР»: «Учебники и само преподавание носят отвлечённый, схематический характер. Вместо преподавания гражданской истории в живой занимательной форме с изложением важнейших событий и фактов в их хронологической последовательности, с характеристикой исторических деятелей — учащимся преподносят абстрактное определение общественно-экономических формаций, подменяя таким образом связное изложение гражданской истории отвлечёнными социологическими схемами». Рубежное постановление! Восстанавливались исторические факультеты. Было принято решение ввести элементарный курс истории СССР в 3—4 классах, а

в 5—7 и в 8—10 классах проводить параллельно изучение истории СССР и всеобщей истории. В прежнем курсе обществоведения историю преподавали схематично, ключевато. А уж младшеклассников точно не знакомили ни с Дмитрием Донским, ни с Суворовым. Для подготовки учебника для 3-4 классов организовали две авторские группы — под руководством И. Минца и З.Лозинского. Они должны были работать в режиме соревнования. Революционная постройка трещала...

Учебники двадцатых годов пестрили проклятиями в адрес «царей и их слуг». Героическими страницами истории считались только мятежи, только тайная и явная борьба против самодержавия. Даже с точки зрения марксистского позитивизма здесь ощущался перегиб: подчас и к событиям XVIII века относились с позиций века XX с его массовым пролетариатом. Полного ниспровержения всей неревolutionной культуры, конечно, не было. Даже в первом послереволюционном плане монументальной пропаганды фигурировали Андрей Рублёв и Фёдор Достоевский, а не только Емельян Пугачёв и Александр Герцен. Но историки под флагом академика Покровского впали в радикальный социологизм. При этом историческая наука развивалась мощно: в особенности — в исследовании экономических отношений, истории науки и техники. Но на учебниках система Покровского сказывалась вполне разрушительно.

Какого учебника ждали от историков и писателей власти? К тому времени и политики, и историки успели немало копий поломать в спорах о концепции исторического образования. Требовалась учебная книга, наполненная фактами и сюжетами вместо социологических концепций. При этом всё должно было вести к закономерности революции — с подробными рассказами об этапах классовых войн Разина, Булавина, Пугачёва, Кармелюка... И всё это предназначалось для детей — а, значит, приходилось упрощать, при этом сохраняя главное.

К июлю 1934 года конспект учебника по истории СССР, разрабатывавшийся группой Н.Н. Ванага, был готов и направлен на рассмотрение в ЦК. Проект не удовлетворил руководителей партии, которые опубликовали по этому поводу свои критические замечания, подписанные громкими фамилиями Сталина, А.А. Жданова и С.М. Кирова. Вожди обозначили основную цель дальнейшей работы: «Нам нужен такой учебник истории СССР, где бы история Великороссии не отрывалась от истории других народов СССР, это во-первых, и где бы история народов СССР не отрывалась от истории общеевропейской и вообще мировой истории — это во-вторых».

В первом ряду — Никита Хрущев, Андрей Жданов,
Лазарь Каганович, Иосиф Сталин, Вячеслав Молотов,
Михаил Тухачевский

Поворот к патриотическому осмыслению истории СССР, а прежде всего — истории России, в доме Булгакова встретили не без воодушевления, не без ощущения грядущего реванша. Хотя лично ему легче не стало: пресса

по-прежнему била Булгакова, не давала воплотиться его театральным начинаниям.

Поворот случился, а достойный учебник, написанный «с новых позиций», всё не появлялся. Возможно, правительство слишком любовно следило за работой авторских коллективов — и это порождало нервозность. Проекты самых сановитых и расторопных историков признавались неудачными. Потому и был объявлен конкурс на школьный учебник по истории СССР.

Булгаков, как и вся страна, узнал об этом 4 марта 1936 г. В этот день «Правда» и «Известия» опубликовали постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об организации конкурса на лучший учебник для начальной школы по элементарному курсу истории СССР с краткими сведениями по всеобщей истории». Вырезка из «Правды» с этим постановлением сохранилась в булгаковском архиве. Михаил Афанасьевич обвел красным карандашом указанную здесь сумму первой премии — 100 000 рублей. Булгаковеды считают, что с этим броским объявлением связан сюжет из «Мастера и Маргариты» с выигрышем 100 000 тысяч по облигации. Булгаков подчеркнул и сквозившее в постановлении требование соблюдать «историко-хронологическую последовательность в изложении исторических событий» в сочетании «с обязательным закреплением в памяти учащихся важных исторических явлений, исторических деятелей, хронологических дат», и с «ярким, интересным, художественным» изложением материала.

Булгаков азартно взялся за дело, с головой ушёл в «элементарную историю». Да, это была авантюра: к 4 марта у Булгакова не было никаких историографических наработок, почти никаких знаний о реалиях школьного образования. «Объявлен конкурс на учебник по истории СССР. Миша сказал, что будет писать. Я поражаюсь ему. По-моему, это невыполнимо», — написано в дневнике Елены Сергеевны Булгаковой в тот день. Через несколько дней в «Правде» вышла передовая, в которой писателей — мас-

теров художественного слова — настоятельно призывали участвовать в конкурсе. В архиве Булгакова сохранилась эта газета: «Может ли быть для советского писателя, для советского художника задача, более благодарная и почетная, чем участие в создании такой книги, которая стала бы настольной книгой молодого советского поколения». В кабинете Булгакова поселились книги С.М.Соловьёва, Н.М.Карамзина, тома из словаря Брокгауза и Эфрона, старенький учебник К.В. Елпатьевского, потрёпанные издания Н.Г. Устрялова и М.К.Любавского... Булгакову помогло и общение с любимым пасынком — Сергеем Шиловским. В нём он видел адресата книги.

Но, конечно, дело не только в премии и семейных чувствах. Приступать к большой работе писатель способен только с убеждением, что эта книга необходима, что никто другой такую не напишет. «Придя ко мне вечером, одетый по-домашнему, в затрапезном лыжном костюме, столь мне памятном, мой Миша Булгаков, прикрыв дверь, спрашивал о новостях, поминутно осведомляясь: «А рядом никого нет?» В период увлечения историей, оживляясь, он рассказывал мне о том, что надумано, и говорил, что у него получится учебник, какого не было, в школе он займет место необходимейшего пособия, и о нем как о писателе станут думать наконец совсем иначе — и все тучи рассеются», — вспоминал друг Булгакова, киносценарист Сергей Ермолинский.

В двадцатые годы он вряд ли принял бы за «Историю» — даже в погоне за сказочным гонораром. Слишком далеки от Булгакова были педологи и социологи, царившие тогда в школе. А тут снова можно было писать о прошлом в летописном духе. Не без идеологии, конечно, но без неё учебники истории не обходятся в любые времена.

Разумеется, над этой темой работал не только Булгаков. Всего в комиссию Жданова поступило 46 проектов различных авторов и авторских групп, которые были проанализированы членами комиссии и известными истори-